

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОР. ПОЭТИКА –

УДК 821.512.157-1 Кулаковский

*Н. В. Покатилова*

**А. Е. Кулаковский и традиция:  
к формированию литературной поэтики**

ИГиПИМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается отношение первого якутского поэта А. Е. Кулаковского к предшествующей ему традиции, понимаемой в данном случае в широком значении. Она включала в себя как устную традицию, так и иноязычную, книжную словесность, опыт освоения которых характеризует самый ранний этап становления поэта. Выдвинуто предположение, что отношение поэта к двум разным истокам его творчества было построено по принципу отношения к «чужому» тексту вообще, в роли которого выступала как заимствованная книжная литература, так и автохтонный фольклор. В то же время поэт каждый раз создает «свой» текст, отличающийся индивидуальной последовательностью и целостной композицией. Механизм появления «поэтической функции» (по Р.О. Якобсону) в таком тексте рассматривается на примере анализа первого опубликованного произведения А. Е. Кулаковского 1908 г. – «Клятва Демона (Абаасы)». В нем одновременно отмечаются новации стихового, стилистического и повествовательного плана, а сам текст возникает на стыке заимствованной сюжетики русской литературы и поэтического языка «своей» традиции. Уже этим произведением был резко обозначен переход к литературному тексту, отличающемуся собственной поэтикой. В поэзии А. Е. Кулаковского в целом последовательно прослеживается система представлений о поэтике, которая в качестве отправной точки опиралась не на фольклор, как принято считать, а на общие установки уже собственно литературного происхождения. В этом и состояла реформаторская сущность первого поэта и его поэзии – преодоление традиции и создание нового, литературного, типа текста.

*Ключевые слова:* книжная традиция, устная традиция, поэтика, поэтический язык, поэтическая форма, аллитерация, якутское стихосложение.

---

*ПОКАТИЛОВА Надежда Володаровна* – д. филол. н., заведующий отделом фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН.

E-mail: pnv\_ysu@mail.ru

*POKATILOVA Nadezhda Volodarovna* – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

*N. V. Pokatilova*

## **Alexei Kulakovsky and tradition: towards the formation of literary poetics**

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,  
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

**Abstract.** The article examines the attitude of the first Yakut poet Alexei Eliseevich Kulakovsky to the preceding tradition, understood in this case in a broad sense. It included both the oral tradition and the foreign-language book literature, the experience of mastering which characterizes the earliest stage of the poet's formation. It is suggested that the poet's attitude to the two different sources for his work was built on the principle of attitude to the "foreign" text in general, whose role was played by both the borrowed book literature and the autochthonous folklore. At the same time, the poet creates his "own" text each time, differing in individual consistency and integral composition. The mechanism of the appearance of the "poetic function" (according to Roman Jakobson) in such a text is considered through the analysis of the A. E. Kulakovsky's first work published in 1908 – "The Oath of the Demon (Abaasy)". It demonstrates simultaneous innovations in verse, stylistic and narrative plan, and the text itself arises at the junction of the plots borrowed from the Russian literature and the poetic language of "own" tradition. That work already signaled the transition to a literary text, distinguished by its own poetics. The A. E. Kulakovsky's poetry, as a whole, demonstrates a system of ideas about poetics, which was based on general attitudes of his own literary origin rather than on folklore, which is commonly believed. This was the reformatory essence of the first poet and his poetry: to overcome the tradition and create a new literary type of the text.

**Keywords:** written tradition, oral tradition, poetics, poetic diction, poetic form, alliteration, verse metric, Yakut verse.

### **Введение**

С именем А. Е. Кулаковского, основоположника якутской литературы [1;13], связан переворот в национальной словесности, ознаменовавший появление литературного типа текста и связанного с ним представления об авторстве, которое пришло на смену традиционному фольклорному исполнительству. Однако, несмотря на аксиоматичность этого утверждения, оно до сих пор остается недостаточно исследованным как на текстовом материале, так и в аспекте становления поэтики первого поэта, что определило «текстовый» подход и комплексный анализ составляющих поэтики.

В поэзии А. Е. Кулаковского произошло принципиальное размежевание арождающейся литературы с устной традицией в виде поэтического феномена, состоявшегося уже в первых публикациях поэта 1908-1913 гг. [9]. Именно они стимулировали широкое распространение этих текстов в списках, большей частью в составе рукописных «песенников» и «сборников» коллективного плана, или в качестве самостоятельных текстовых единиц, когда вслед за ними появлялись первые опыты

перевода на русский язык, отмечались случаи «ухода» в фольклор и исполнения на манер фольклорных «песен». Тем самым первые произведения А. Е. Кулаковского оказались включены как в систему «двуязычного» (якутский/русский) бытования, так и в гораздо широкую сферу «письменного» и «устного» взаимодействия, невольно всколыхнув неизведанную для носителей родного языка область письменного существования, противопоставленную устной культуре.

Между тем новизна литературной традиции текстов, созданной А. Е. Кулаковским, остается не до конца еще раскрытой по существу его поэтической деятельности. Феномен Кулаковского-поэта как раз состоит в том, что на материале его творчества достоверно и вполне отчетливо прослеживается генезис и становление собственно литературного текста якутской традиции, при этом сама подвижность литературных форм на стыке фольклора и становящейся литературы приобретает особую значимость как предтеча, предвосхищение всего литературного в последующем развитии. В этой связи пути сложения в текстах А. Е. Кулаковского поэтических форм, ставших основой создания системы индивидуального автора, определяют становление поэтического начала в литературе в целом. В творчестве первого поэта это находит выражение в процессе формирования основных черт его поэтики, включающей в себя, помимо всего прочего, поэтическое видение – в том числе самой традиции, что привело к созданию текстов, тесно связанных с ней и в то же время в корне отличающихся от нее в своей поэтической сути. В работе предпринята попытка рассмотрения собственно поэтической основы новаторства А. Е. Кулаковского, что определило цель и задачи исследования.

#### **Традиция в широком понимании**

Под понятием «традиции» в данном случае подразумевается вся предшествующая совокупность устных (преимущественно, но не только) текстов, сложившихся в виде определенной системы к началу XX в. Литературные тексты А. Е. Кулаковского, формирующиеся в споре-отталкивании и одновременном следовании определенным чертам этой системы, тем не менее взорвали ее, впервые представив возможность ее альтернативного преодоления.

Задача создания литературы на своем языке обдумывалась А. Е. Кулаковским задолго до написания им собственных текстов. Это засвидетельствовано, по крайней мере, в двух опытах поэта. Первый из них относится к 1896-1897 гг., ко времени пребывания Кулаковского в Якутском реальном училище, и отчетливо проступает в сохранившихся конспектах, юношеских сочинениях и раздумьях о литературе [2; 3], второй опыт организационного плана был предпринят А.Е. Кулаковским совместно с А. Н. Софроновым в 1912 г. в проекте Устава кружка любителей литературы, где фактически шла речь о возможности реформирования национальной словесности [14]. С одной стороны, уже ранние размышления юного Кулаковского отличает нескрываемый “поэтический интерес” самого автора [14: 798-800]. В представленных здесь “ученических” текстах по поводу литературы определяющим оказывается собственно поэтический подход в понимании литературных фактов и персоналий от Горация до Пушкина. Осознание “особости” литературы еще не имеет отчетливо выраженного, отрефлексированного характера, но уже приобретает определенную целенаправленность в контексте предварительных раздумий будущего поэта о том, какой должна быть литература на примере русской (в том числе древнерусской), древнегреческой и древнеримской литератур. Специальный анализ сохранившихся материалов Кулаковского этого времени [8] дает основания для утверждения о том, что его собственно литературной деятельности предшествовал этап рецепции опыта мировой литературы, который не ограничивался только откликами на “чужие” тексты. Ранняя литература в лице Кулаковского оказывается в высокой степени индивидуальной, находящейся в кругу идей и поэтических образов русской и

европейской книжной культуры. Выработке собственной программы и ее литературной реализации во многом способствовало освоение будущим поэтом поэтики «чужой» литературы.

С другой стороны, опора на поэтический язык «своей» традиции имела для него принципиальное значение как ориентация на «своего» потенциального *читателя*, поскольку фактическим адресатом первых текстов был не читатель, а *слушатель*, «воспитанный» на устной традиции. Показательно, что в осмыслении автохтонной традиции в творчестве А. Е. Кулаковского обнаруживается почти тот же принцип освоения и переосмысления иноязычного материала. Это находит выражение в отчетливо выраженном «стилистическом» подходе к «чужому» тексту, в понятие которого включается и фольклорный, если иметь в виду литературную перспективу. Фольклорный материал активно начинает вовлекаться зарождающейся литературой в поле «чужого», провоцируя появление качественно нового стилового принципа повествования и, как следствие этого, отстраненного отношения к фольклорному тексту. Устная традиция предстает как один из самых влиятельных факторов, а ее жанровый состав – как один из источников, наряду с другими, в том числе – иноязычными, но самый подход к тексту и жанру определяется отношением к «чужому» тексту вообще.

Тем самым ранняя литература в известной мере не всегда дифференцирует, какой текст был для нее исходным: автохтонный или заимствованный. Индивидуальный способ трансформации устной традиции оказывается у Кулаковского всецело зависимым от уровня авторского самосознания, который, в конечном счете, определяет принципы творческого преломления фольклорного и/или иноязычного материала. Показательно, что в случаях автохтонного, казалось бы, происхождения текста его генезис выглядит иногда совершенно запутанным («Большая огнедышащая лодка», «Клятва-андагар древнего якута»), хотя опора на традицию в целом бесспорна и особенно сильно ощущается в самом тексте. Зачастую иноязычный источник оказывается лишь поводом, толчком для создания произведения с новым, оригинальным содержанием («Клятва Абаасы», «Ручей», «Дары Реки»). Большой частью имеют место произведения, обладающие полигенетичностью как в жанрово-повествовательном («Песня столетней старухи», 1906, «Певец»), так и в стиховом плане («Танец по-виллойски», 1905, «Чабыргах», 1912 и др.). Указанные моменты характеризуют уже наиболее ранние произведения поэта, тем самым модификации, возникающие в самом начале его творческого пути, оказываются присущи всем этапам его эволюции.

Поэзия А. Е. Кулаковского предстает как вполне самостоятельное поэтическое явление, истоки которого следует видеть, с одной стороны, в совершенно новом принципе освоения автохтонной традиции, с другой – в формировании с самого начала в ней иного, по сравнению с фольклором, представления об авторстве [13: 48]. Все модификации переосмысляемой традиции происходят, как правило, в самом тексте в виде незаметного, на первый взгляд, его преобразования. Исходя из этого, поэтические новации в текстах А. Е. Кулаковского могут быть сгруппированы по таким ракурсам, как: а) отношение поэта к жанровым и формульно-поэтическим формам устной традиции; б) аллитерационный стих традиции и стиховое новаторство поэта; в) новые способы выражения авторской позиции в тексте и связанные с этим изменения в типе авторства.

### **Кулаковский - поэт и жанровые формы традиции**

Одним из существенных факторов, повлиявшим на становление поэтики поэта, оказывается трансформация в его творчестве жанровых и формульно-поэтических форм традиции. Поэзия А. Е. Кулаковского обнаруживает совершенно иной тип освоения автохтонной устной традиции. Первый якутский поэт сознательно ставил перед собой задачу создания отличного от устной традиции типа текста, но при этом ориентация на

всю предшествующую традицию присутствовала в его творчестве «в снятом виде». Именно поэтому «заимствование» (в широком понимании) формульного языка устной традиции начинается с целенаправленного освоения ее скрытой поэтики. Осуществление этого стало возможным благодаря «взгляду изнутри» своей культуры и освоению опыта русской книжной (а через нее – мировой) литературы.

Индивидуальному же автору становится доступен взгляд на традиционную систему жанров с позиций книжной, письменной культуры, одна из задач которой видится в сохранении корпуса текстов устной традиции. Исходя из этого, А. Е. Кулаковским была предпринята широкомасштабная по своему охвату попытка представить своего рода энциклопедию жанров устной традиции, восполнить то, что было утрачено или отодвинуто на задний план. Именно поэтому момент архаизации, древности происхождения жанра и текста становится определяющей в авторском осмыслении фольклора. Это была попытка представить устную традицию как целое, во всем богатстве и многообразии ее жанровых и формульно-словесных форм. Характерно, что все наиболее полные имитации фольклорных жанров (*алгыс, андагар, чабыргах* с его разновидностями архаического происхождения) показательны для поэта именно на рубеже 1910-1920-х годов – периода расцвета его творчества, когда было создано большинство его собственно литературных текстов на основе формы *хоһоон* (в узком значении – стихотворение).

Специальный анализ наиболее показательных формульно-метрических аспектов в творчестве Кулаковского [10: 124-130] позволяет констатировать, что эволюция поэта была подчинена законам собственно литературного развития. Наиболее отчетливо это сказалось на характере жанровых трансформаций в его текстах. В раннелитературной традиции в целом наметилась общая тенденция к формированию собственно словесных ориентиров в организации текста, что было связано с попыткой размежеваться с фольклором и примкнуть к быстро набиравшей силу письменной традиции, отсюда и обилие рукописных сборников и/или песенников, чаще всего – коллективных, закреплявших именно письменную форму, но поэтический уровень авторов этих сборников был невысоким или вовсе отсутствовал. В жанровом отношении эти тенденции нашли выражение в общей эволюции от *песни-ырыа* (в фольклоре) и *ырыа-хосоон* (в рукописной традиции) к *хосоон* (в литературе). Однако и эта общая направленность ранней литературы индивидуализируется в творчестве А. Е. Кулаковского как движение от *песни* к *поэме*, а от нее – к *хосоон* (*хоһоон* – в широком значении, как обозначения стихотворной формы речи).

Анализ свидетельствует об исходной значимости для поэта песни – *ырыа*, актуализацией в ней так называемой «перволичной» формы. Одной из первых эта тенденция обозначена в произведении «Песня столетней старухи» (1906), ставшем этапным в разработке новых повествовательных форм, где доминирует не «песня» героя, а его «речь», а «перволичная» форма песенного происхождения трансформируется в исповедальный рассказ о жизни героини с акцентированием *Ich*-формы.

Наследуемая от устной традиции мифологичность сохраняется в поэме А. Е. Кулаковского не только в качестве принципа структурирования пространства, но и повествования в целом. В рамках поэмы становится возможным как композиционное замещение «перволичной» формы песенного происхождения, так и появление сложной повествовательной плоскости, на границе которой осуществляются взаимопереходы слова героя и слова автора, а авторский голос в тексте начинает строиться по тем же принципам «объективации», что и слово героя. Анализ поэменных форм поэта (от «Клятвы Абаасы» и «Сна Шамана» до «Наступления лета» и др.) приводит к выводу о том, что независимо от того, автохтонные или заимствованные представления лежат в основе жанра, поэма в его творчестве выступает как первоначальная форма апробации специфически словесно-стихотворных начал в литературе. Тем самым индивидуальный

ход жанровой эволюции в поэзии Кулаковского – от песни-*ырыа* – к *поэме*, а через нее – к *хосоон* (в значении мерной, стихотворной речи вообще) оказывается во многом predetermined эволюцией собственно авторского «я». Причем эта эволюция отличается от достаточно распространенного раннелитературного варианта, когда у авторов рукописной традиции в большинстве своем преобладала форма *ырыа-хосоон*.

Основной корпус текстов Кулаковского, сознательно ориентированных на фольклорную «первооснову», лишь весьма условно можно разграничить по жанровым признакам, прямо соотносимым с параметрами фольклорных жанров. Общим для этих текстов является принадлежность к создаваемой *именно этим поэтом* традиции. Литературные тексты, несмотря на генетические связи с фольклорной традицией, не предполагали прямой общности с ней и осмыслялись поэтом только в качестве опоры на известные фольклорные образцы. В употреблении жанровых обозначений, типа *алгыс, андагар, чабыргах, ырыа*, Кулаковским используются не старые жанровые формы, как принято считать, а посредством новых форм (в том числе неизвестных фольклору) воссоздаются «исконные» жанры традиции. В качестве существенного признака жанровых трансформаций (уже литературного происхождения) следует назвать стилистически усложненное разрастание формы, что, в конечном счете, позволяет этим жанрам отличаться от фольклорных, как бы стоять над устной традицией, успешно ими же имитируемой. Так, полные имитации фольклорных жанров (*андагар, алгыс* и др.) в два раза и более превосходят по своему объему известные устные варианты.

О том, что задача воссоздания на литературной основе жанровой системы устной традиции приобретает в творчестве первого поэта последовательный характер, свидетельствует, с одной стороны, взаимосвязанность всех аспектов его поэтической эволюции. С другой стороны, все новации поэта оказываются эксплицированными каждый раз в самом тексте, в его поэтической форме. Жанровый аспект имел определяющее значение в поэтическом преобразовании в этих текстах устной традиции, однако повествовательные и стилистические новации, используемые по отношению к традиционным жанрам, в равной степени могли относиться как к «своей», так и к «чужой» традиции.

#### **Аллитерационный стих традиции и стиховое новаторство поэта**

По текстам А. Е. Кулаковского видно, что с самого начала литературная поэзия воспользовалась теми видами метрически организованной речи, которые были выработаны устной традицией. Традиционная система стихосложения была в своей основе аллитерационной, что и использует поэт. В отличие от рукописных авторов, Кулаковский в своей опоре на традиционную метрику ориентировался на такую исконную черту аллитерационного стиха, как семантизированность в нем аллитерации, проявляющаяся в наиболее архаических образцах – в созвучии корневых морфем. Более того, именно в его поэзии аллитерация была поднята на небывалую до сих пор эстетическую высоту. Анализ показывает, что именно аллитерационный принцип в его поэтических текстах сохранял свое эстетическое воздействие и на почитателей его творчества, и на последующие поколения поэтов [7: 121-122].

Своеобразие стиха Кулаковского в том, что при всех модификациях аллитерация здесь сохраняется как основополагающий принцип в структурировании самого стиха, то есть отдаленно взятой строки. Регулярное же использование переносов (enjambement) приводит к разработке им специфической синтаксической единицы стихотворного текста, позволяющей регламентировать соотношение двух типов стиха – «короткого» и «длинного» [4: 454 -455]. В результате в разрабатываемой им строфемной организации формируется новый (литературный) тип строки, как правило, аллитерационно связанной от начала (инициали стиха), но в которой также появляется зависимость от заданности повтора ближе к концу строки (финали стиха). Аллитерация от начала

строки и созвучие внутренних рифм от конца строки. Всё это было следствием колоссального сдвига, происшедшего в его поэтике, где метрика становится основным показателем изменений, происходящих в форме создаваемых текстов. Все стиховые инновации Кулаковского вместе с тем не отменяли аллитерационной сути его стиха, где аллитерация выступает в качестве структурирующего принципа не только отдельного стиха, но и текста в целом. Упорядоченность стиха поэта определяется последовательностью аллитерации на 1-м и 3-м слове первой строки [4: 454].

На последнем этапе стиховых преобразований поэта видно, что его исходная «реконструктивная» нацеленность по отношению к традиции (в виде ориентации в ней на аллитерационный стих) начинает сменяться не менее осознанным отстаиванием аллитерационных перспектив в развитии якутского литературного стиха. В полном объеме эта позиция была изложена им в статье 1925 г. «Правила якутского стихосложения», ставшей поводом для споров уже после его смерти [5], когда поэзия «после Кулаковского» переходит на неаллитерационный – силлабический – принцип организации стиха. Именно к этому времени относится появление первых представлений об аллитерации в качестве орнаментального, по преимуществу, украшения речи [16: 40], а не в ее структурирующей роли в стихе. Новым же поколением поэтов начинает вменяться в вину Кулаковскому его приверженность аллитерационной линии развития стиха [16; 7: 122].

Общая направленность стиховых новаций поэта в принципе вторит жанровым и в целом была задана движением от *поющего* текста к *читаемому*, т. е. к тексту, основанному исключительно на речевой основе. Стиховое новаторство поэта в первую очередь оказалось направленным на структурные изменения в тексте.

#### **Автор и его позиция в тексте**

В исследовательской литературе стремительность поэтической эволюции А. Е. Кулаковского традиционно связывалась с его умением преобразовывать фольклорные жанры (В. Н. Леонтьев [6], Г. С. Сыромятников [14]). Между тем ускоренный характер этой эволюции был обусловлен, скорее всего, стремительной эволюцией авторского начала в его поэзии, становлением авторского «я» поэта и многообразием форм его выражения в поэтическом тексте, что стало возможным только в литературе. Если в устной традиции обладание поэтическим словом подразумевало его «знание», владение им преимущественно как формой, что и расценивалось как проявление поэтического мастерства, то в зарождающейся литературе формировалось такое отношение к поэтическому слову, при котором осязательнее становилась его условность.

Целостность поэзии А. Е. Кулаковского, не в последнюю очередь определялась новым типом слова, в основе которого – создание «своего» поэтического языка и формирование впервые индивидуальной стилиевой манеры. С одной стороны, владение в фольклоре поэтическим мастерством как навыком, типа формульной техники «нанизывания слов» или аллитерации в ее структурирующей сути, с другой – отчетливо выраженное в литературе авторское видение, определяющее степень поэтической уникальности и сложности архитектоники целого. В известной мере «отчужденность» слова от автора, пользующегося этим словом, предопределяла дистанцию между «текстом» и «автором». Дистанцированность автора от создаваемого им текста не в последнюю очередь определялась тем, какой «языковой» (в широком понимании) материал положен в основу текста. Автор не был ограничен в своих возможностях, он мог использовать элементы поэтического слова и «своей», и «чужой» традиции, что показательно уже для первой поэмы А. Е. Кулаковского. Осознание условности литературного приема зачастую приводит в свою очередь к взаимной ориентации текстов друг на друга, к их относительно стилистической однотипности (ср. *алгыс* и *андагар* в имитациях поэта). В этом случае понятие корпуса текстов данного поэта,

объединенных цельностью авторской индивидуальности, становится определяющим в формирующейся литературной системе.

Поэтическое начало дает о себе знать уже в первом произведении А. Е. Кулаковского – «Клятва Абаасы» (1908). Новаторство этого текста, продуктивного в точке пересечения «чужой» и «своей» традиций, нашло выражение в его поэтике, в частности, в двухчастной композиции повествования, усиленной в стиховом плане. Здесь намеренно опускаются все дополнительные сюжетные линии, отличающие лермонтовский оригинал. Коллизия переложения упрощается до противопоставления только двух начал: демонического и человеческого. Сюжетная трактовка оригинала сводится лишь к одной линии, и то перекодированной в систему ценностных представлений «своей» традиции: это древняя клятва-андагар и нарушение «данного слова».

Произведение состоит из основной – «клятвенной» – (стихотворной) части и обрамляющего ее вольного (прозаического) пересказа поэмы Лермонтова «Демон». В противовес сюжетному «упрощению» всё внимание сосредотачивается на стилиевой обработке контаминированного сюжета. Доминирующим в ней становится тип построения авторского слова. Заметим, что это слово охватывает только прозаическую часть произведения (представляющего собой пересказ фабулы лермонтовской поэмы) и обрамляет с двух сторон собственно «клятву» (*андагар*). Прозаический пересказ, описывающий контекст «клятвы» и выводящий за ее жанровые пределы, безусловно, выполняет основную композиционную функцию в создании архитектоники целого произведения. Собственно «клятвенная» часть произведения строится как своеобразный синтез стиха и прозы, представляя собой «прозопэтическую» форму. По своей ритмической природе она близка к ритмизованной прозе высоких культовых речений, хотя при этом имеет сложно орнаментированный аллитерационный рисунок. Истоки этой «прозопэтической» структуры следует видеть в ориентации поэта на такую особенность жанра *андагар* в устной традиции, как его принципиальная «нестихотворность» и параллелизм строк. Синтаксический параллелизм «удлиненных» строк каждый раз ритмически перебивается рефреном повторяющимся словом «клянусь». Этот рефрен на фоне длинных строк выглядит усеченной структурой, выполняя отчасти функцию композиционного перебора ритма.

Первое опубликованное произведение Кулаковского, таким образом, обозначило резкость перехода от устности фольклора к письменно закрепленной форме литературы, поскольку в нем сведены воедино почти все инновации метрического, стилистического и авторско-повествовательного плана. Индивидуальная повествовательная манера А. Е. Кулаковского здесь характеризуется продуманностью построения и стилистической насыщенностью «высокого» слова как в прозаической, так и в стихотворной части текста, что в целом определяет особую степень эстетической завершенности, которая отличает это произведение. По существу, в этом тексте уже совершился переход от фольклорного типа текста к литературному, отличающемуся уникальностью создания и собственной поэтикой.

### Заключение

Главным для Кулаковского-поэта стало открытие им поэтического начала, механизмов его доминирования в тексте и на всех его уровнях, что давало возможность утверждения и развития им совершенно иного типа национальной словесности. Все это позволяет взглянуть на поэзию А. Е. Кулаковского, с одной стороны, в более масштабном ракурсе становления его авторского «я» и, соответственно, авторского самосознания в целом, с другой – в глубинном генезисе и развитии собственно поэтического (эстетического) начала, сосредоточенного в его поэтике, обретающей, как показывает анализ текстов, с самого начала литературную направленность. В текстах А. Е. Кулаковского отчетливо прослеживается система представлений о поэтике, которая

в качестве отправной точки опиралась не на фольклор, как принято считать, а, скорее всего, на общие установки уже собственно литературного происхождения, сложившиеся не без влияния опыта книжной культуры, которой в совершенстве владел первый якутский поэт. Определяющим в них, с одной стороны, был эстетический критерий красоты («красивость») и симметрии («поэтичность») [4, с. 454, 380], доминирующее поэтическое начало в литературе. С другой стороны, эти же представления были в своей основе представлениями именно поэта, поэтической сублимацией его творчества, что позволяет определить их как своеобразную *поэтику поэта*, то есть поэтическую разновидность рефлексии, в значительной мере, определяемой колоссальной языковой интуицией и пронизательностью тонкого наблюдателя и знатока устной традиции. Из всех попыток (а их было немало) создания литературного текста в начале XX в. только Кулаковскому удалось добиться симбиоза, с одной стороны, достаточно высокого уровня представлений о литературе и закономерностей ее создания, с другой стороны, «знания» устной традиции и «умений» в ней, доведенных до виртуозности «поэтической техники», в значении термина, восходящего к Е. Д. Поливанову [11, 12]. Счастливое сочетание того и другого во многом предопределило как поэтику первого поэта, так и его реформаторскую сущность в новом – поэтическом – видении словесной традиции.

Основанием для такого рода предположений являются такие результаты, достигнутые А. Е. Кулаковским, как первое приближение к разграничению поэтики устного и литературного текста, осознание роли слова и текста в литературе, начало рефлексии над традиционным и литературным стихом в якутской традиции, формулировка впервые метрических оснований каждого из двух типов стиха и видов текста в целом (фольклорный/ литературный). Вполне закономерно, что первый поэт начинает свой путь с преодоления предшествующей традиции и завершает символическим возвращением к ней, но с иных нарративных позиций. Реальный переворот в национальной словесности стал возможен благодаря целенаправленности творческих исканий поэта и регулярности его усилий в реализации собственной программы по созданию литературы, представленной когда-то еще молодым поэтом [15].

#### Принятые сокращения

Архив ЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук.

#### Л и т е р а т у р а

1. Заболоцкий Н. М. У истоков якутской литературы: (Историко-литературный очерк). 1934. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 41.
2. Кулаковский А. Е. Главнейшие достоинства поэзии А.С. Пушкина [1897] // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 26. Ед. хр. 4.
3. Кулаковский А. Е. [Личные документы]. 1896. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4. Оп. 26. Ед. хр. 35.
4. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – 484 с.
5. Кулаковский А. Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Вып. 1. Якутск, 1925. С. 76-79.
6. Леонтьев 1925 – Леонтьев В. Н. Критические заметки о творчестве А. Кулаковского. 1925 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 162. Л. 1-5.
7. Ойунский П. А. О теории якутского стихосложения // Ойунский П. А. Сочинения: в 7 томах. 1958-1962. Т.7. Якутск: 1962. С. 121- 127.
8. Покатилова Н. В. Античная реплика в генезисе якутской литературы // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции 23-25 июня 2014. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 794 – 803.
9. Покатилова Н. В. Ранний этап становления литературы, или О двух путях переосмысления устной традиции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Вып. 22. –

Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2016. № 2. С. 104–108.

10. Покатилова Н. В. Якутская аллитерационная поэзия: генезис литературного текста. М.: «Айыына», 1999. 163 с.
11. Поливанов Е. Д. Общий фонетический признак всякой поэтической техники. [1937]. // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
12. Поливанов Е. Д. Рифмология Маяковского // Известия Академии наук. Отделение языка и литературы. Т. 39. 1980. № 2.
13. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984.
14. Сыромятников Г. С. Якутская литература 20-х годов. 1966 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 10. Ед. хр. 90.
15. Устав «Кружка любителей якутской литературы» (1912) // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 1. Ед. хр. 105.
16. Элляй Уранхаев /Кулачиков С. Р. / Звукоспись в якутской поэзии // Якутские зарницы. 1928. № 1. Янв.-февр. С. 40-48.
17. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 462 с.

### References

1. Zabolockij N. M. U istokov yakutskoj literatury: (Istoriko-literaturnyj ocherk). 1934. // Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 2. Ed. hr. 41.
2. Kulakovskij A. E. Glavnejshie dostoinstva poezii A. S. Pushkina [1897] // Arhiv YANC SO RAN. F.4. Op. 26. Ed. hr. 4.
3. Kulakovskij A. E. [Lichnye dokumenty]. 1896. // Arhiv YANC SO RAN. F.4. Op. 26. Ed. hr. 35.
4. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. Yakutsk: Yak. kn. izd-vo, 1979. – 484 s.
5. Kulakovskij A. E. Pravila yakutskogo stihoslozheniya // Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Saha keskile». Vyp. 1. Yakutsk, 1925. S. 76-79.
6. Leont'ev 1925 – Leont'ev V. N. Kriticheskie zametki o tvorchestve A. Kulakovskogo. 1925// Arhiv YANC SO RAN. F. 5. Op. 2. Ed.hr. 162. L. 1-5.
7. Ojunksij P. A. O teorii yakutskogo stihoslozheniya // Ojunksij P. A. Sochineniya: v 7 tomah. 1958-1962. T.7. Yakutsk: 1962. S. 121- 127.
8. Pokatilova N. V. Antichnaya replika v genezise yakutskoj literatury // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XVIII (chteniya pamyati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoj konferencii 23-25 iyunya 2014. / Otv. red. N. N. Kazanskij. SPb.: Nauka, 2014. S. 794 – 803.
9. Pokatilova N. V. Rannij etap stanovleniya literatury, ili O dvuh putyah pereosmysleniya ustnoj tradicii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki: Vyp. 22. – Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet, 2016. № 2. S. 104–108.
10. Pokatilova N. V. Yakutskaya alliteracionnaya poeziya: genезis literaturnogo teksta. М.: «Айыына», 1999. 163 с.
11. Polivanov E. D. Obshchij foneticheskij priznak vsyakoj poeticheskoy tekhniki. [1937]. // Voprosy yazykoznanija. 1963. № 1.
12. Polivanov E. D. Rifmologiya Mayakovskogo // Izvestiya Akademii nauk. Otdelenie yazyka i literatury. T. 39. 1980. № 2.
13. Steblin-Kamenskij M. I. Mir sagi. Stanovlenie literatury. L.: Nauka, 1984.
14. Syromyatnikov G. S. Yakutskaya literatura 20-h godov. 1966 //Arhiv YANC SO RAN. F.5. Op. 10. Ed.hr. 90.
15. Ustav «Kruzhka lyubitelej yakutskoj literatury» (1912) // Arhiv YANC SO RAN. F.5. Op. 1. Ed.hr. 105.
16. Ellyaj Uranhaev /Kulachikov S. R./ Zvukopis' v yakutskoj poezii // Yakutskie zarnicy. 1928. № 1. Yanv.-fevr. S. 40-48.
17. Jakobson R. O. Raboty po poetike. М.: Progress, 1987. 462 s.